

Из дневников 2001 года

16 Ноября 2001 г. Поезд Нукус-Ташкент.

Сижу и вспоминаю, как рисую Сашу в его доме на ул. Горького, как дарю сотрудницам музея свои темперы. Как Света, сестра Галы Галиулиной, сходит с ума, рвет ногтями занавески. Я ей дарю, потом забираю обратно картины. Как Люда Школина уводит режиссера Ефремова от Светы Сониной, та уходит жить к тете с сыном, Максимом. Как Алик Нишанов слушает цыган, курит анашу. Эльвира уезжает в Минводы, туберкулез.

18 декабря 2001 г. Альвина говорила, что я растерял свой дар, что я был как поток, сорвавшийся с горы, но разлился в долине и стал болотом.

Эдик Муратов, несчастный спившийся фотограф, великий охотник, с которым мы лазили ночью на чердаки академии наук и жарили пойманных там голубей в казане, пили водку, смотрели телевизор в квартире на ул. Максима Горького. Перед домом во дворе росла трава, «быльем поросло», назвал это Эдик.

Вспоминаю. Моя любовь к большой Ире. Кубинский ром, зашитая гимнастерка, я зимой прихожу к ней по железнодорожным шпалам.

Вспоминаю, как в Ташкенте напился и избил Люду, она слепнет. Посещения ее в медицинской части Текстильного комбината и мои просьбы о прощении. Как бабажан (мама) жила на Испанской, я ремонтировал кладовку, переносил книги и газовую плиту, приходил на ее 70-летие в 98 году и на Новый год.

Арслан сказал о том, чтобы я выставлял картины, чтобы я делал главное и не запутывался в паутине суеты.

Плохо, что не научил Алима узбекскому и другим тюркским языкам. Он сам меня упрекает, я не воспитывал его, поэтому и ругал Люду в автобусе Ургенч–Ташкент после соцопросов, на что она сказала, что я сам виноват в том, что не воспитал Алима. После этого она с Зиной и ее парнем договорились выгнать меня из дома.

В старости резко видны различия нации, недостатки межнациональных и межсословных браков. Говорят, что первый секретарь обкома К. утверждал - сын тракториста должен быть трактористом, сын хана - ханом по династии.

Арслан стриг мне бороду, приносил куски рыбы, катушечные пленки. Привел американку Ненси смотреть картины и сбивал мои цены, чтобы та что-то купила.

Фаине Михайловне Бог не дал сына, вот она и любила меня. А ее муж, Перов, почему-то не терпел меня от всей души.

19 декабря 2001 г. В детстве я создал Тимуровскую команду и мы «секретничали». Собирались на чердаки, писали записки шифром и азбукой Морзе. Позднее, уже кончая школу, я организовал общество "Нориск" - Новое революционное искусство и выбрал себе псевдоним Игорь Корсар. Бог весть как перемешалось в голове революция и искусство. Написал тогда огромное настенное панно на революционные сюжеты.

Какое ощущение было гордой солидности, когда я понял, что женюсь. Я повторял про себя, я – муж, у меня есть жена. Но странное дело - на свою свадьбу я никого из однокурсников не пригласил, а были только Наташа, сестра Ольги и все мои родственники.

Думаю о домах, где я жил, о том, что в конце ждет домовина, о том, что сейчас надо обеспечить детей деньгами, надо много денег. Люда выходит из повиновения, она не считает меня за главу семьи, с которым надо советоваться и все делает по-своему. Надо продавать книги.

Помню, как я делаю ремонт на ул. Горького, для этого сносил под лестницы в музей все свои холсты, картины, там их смотрит Мадгазин, как в мастерской крашу пол и потолок эмалью. Перенес дома газовую плиту, ремонтирую унитаз, провожу со страшным трудом водопровод, а потом все бросаю и ухожу.

Раньше я воображал себя художником, возвышавшимся над толпой посредственностей, избранником, но со временем понял, что искусство в этом обществе, где я живу, не нужно и опустил руки. Я оказался не великим, как воображал себя с самого детства, начитавшись великих романтиков - Ромен Роллана, Цвейга и других. В студенчестве я читал всех зарубежных, переводных писателей, в Нукусе - советских, а теперь я пришел к русской золотой классике 19 века, к Пушкину, к Достоевскому, Гоголю, Чехову.

Странно, почему я пришел к Корану, Библии, по настоящему, в сорокалетнем возрасте.

Мне внушала Наташа Моисеева, что всякое подлинное, великое искусство, болезненно, как творения Достоевского.

Вспомнил, как я резал вены на корабле и в крови меня увезли в психбольницу.

Это была ошибка привозить сюда, в Ташкент книги, Арслан увидел их, громоздящиеся до потолка и понял, что я богат, мне не надо помогать, а надо помогать сестренкам, которые тоже в нищете.

20 декабря 2001 г. Опять память. Об освещенных окнах в итальянской народной песне в исполнении Марио Ланца. Об этих песнях рассказывал мне Квон, о том, как они, студенты училища Бенькова, любили итальянских певцов, об опере Пуччини «Богема», о душераздирающей арии «Смейся, паяц, над разбитой любовью». Квон вспоминал однокурсника Гену Рощина, который болел туберкулезом костей и, кажется, оказал огромное духовное влияние на Квона.

Мертвые близкие живут в сердце, можно думать о них и говорить с ними, даже спорить и советоваться. Да, это духовное сокровище - носить в Душе своей дорогих мертвецов, но живых.

Прав был Савицкий, когда говорил, что Алексей был не от мира сего художником. Я вспоминаю, как он, уходя в мысли от жизни, занимал руки распутыванием клубков ниток, упражняясь в терпении. В Душе ношу образ Квона и советуясь с ним.

Из детства своего, я помню страх, когда я просыпался, боясь обмочиться в постели, и о том, как меня маленького мать брала к себе в постель. Помню цветные игрушки в детском саду, такие ярко окрашенные пирамидки, сборные. От этого у меня любовь к цвету.

Вспоминаю, как пьяного меня вытаскивали сестры каракалпачки из дома, на ул. Куйбышева, где жила мать весной 1993 года после смерти отца осенью 1992 года, не пережив распад страны, партии, он был страшно напуган.

А как Люда болела туберкулезом, как сбежала из дома Азиме, я делал уколы, покупал лекарства на барахолке у мусорки на Куйлюкском базаре позади Мавзолея Куйлик-ота. О том, как приехал из аптекоуправления человек и попросил написать благодарность за лекарства после нашего письма президенту с просьбой о помощи. Этот человек из аптекоуправления обманул – лекарства для туберкулеза так и не выдали.

Вспомнил о враче Камалове, о том, как еврей-начальник инвалидной комиссии, не дал Люде инвалидность. О том, как я занял 50 долларов у Арслана, дав в залог один «Джампыкский пейзаж», а он не принял его в залог и так дал деньги, я тогда привез лучшую свою картину «Дворец» в журнал «Тафаккур», оставил у Ольги, обещал подарить ее Арслану на 50-летие, а потом передумал.

Из детства помню запах типографической краски в киосках союз печати, где я любил покупать открытки и перышки для ручки. И вкус гречишного меда, весенник. В детстве я очень любил молоко из-под коровы, когда мама доила ее. Просил «мако с ахалем» (молоко с сахаром), уют дома зимними вечерами с печкой буржуйкой в углу, раскаленной от угля так, что железо становилось красным. Не помню, чтобы кто-то кроме меня топил буржуйку. Затем я топил печи в музее у Савицкого. Там были круглые, матерчатые абажуры, которые придавали музею уют дома.

Ван Гог избежал семейной жизни, и Гоген тоже. Они прожили одиноко, полностью отдавшись искусству, так же мечтал прожить и не думал, что так долго проживу. Идеалом моим было бессеребренничество, богемная жизнь художника. Теперь, я по нужде интервьюер в социологии. И так вот зарабатываю себе деньги. Завтра надо ехать быстрее в Кашкадарью. А сегодня мне не хочется, но надо, куда не денешься.

Мое любимое занятие перебирать книги, а любимое занятие Савицкого было развешивание и перевешивание картин. Я, стоя на лестнице, вешал их и когда я был неосторожен и беспечно говорил, что не хочу беречься от падения, он пугал как ребенка: «Хочешь упасть и чтобы у тебя был горб?».

Альвина тоже вешала картины, стоя на лестнице. Когда Квон помогал ей, то как-то сказал с опаской – «Как бы мне на голову не шлепнулось что-нибудь у тебя из-под юбки». Оба были закоренелые холостяки-шутники. Я любил их, по-своему.

Мои тетради с переписанными письмами Ван Гога вернула Света Гайсина, когда приехала в Нукус с оркестром. Привезла книгу о Рембрандте и книгу «Кризис безобразия», которую я дал ей когда-то очень давно. Спасибо. Так у меня сохранилась письма Ван Гога в 20-ти ветхих тетрадях. Несколько тетрадей взяла читать Валя Корнилова и они потеряны. Вот такая история, а книгу я брал у учительницы истории искусств, моей любимой Фаины Михайловны.

Отчим, Емберген советовал мне писать натюрморты, ставя себе задачей добиваться материальности. Помню, это было в последний год школы. А я увлекался модернистами: Модильяни, Ван Гог, Гоген и отошел от классики, русской живописи, это обернулось для меня дилетантизмом.

22 декабря 2001 г. После разрушения Союза ценностью стало не искусство, которое поддерживалось государством в контексте холодной войны и соревнованиях двух общественно-политических систем. Теперь властвует чистоган. Люди брошены в борьбу за существование, за хлеб насущный, я вижу очень богатых и очень бедных людей. Прежние ценности – дружба, человечность, все поругано, хотя Каримов пытается сохранить традиционные и, отчасти, хорошие советские ценности в период перехода к звериному капитализму.

Ван Гог прекрасен, его картины живут, дышат, это чудо-искусство, он невероятным образом влил свою жизнь в свои картины, они напоминают живые существа. Мне в юности нравились его поздние работы, сейчас не так, сейчас я предпочитаю его ранних «Едоков картофеля», крестьян, словом, его голландский период. Насколько мне помнится, он сам в последнее время своей короткой, как метеор, жизни, с ностальгией и любовью вспоминает свое голландское начало и высоко ставил тогдашние работы. Даже считал их лучшими в своем творчестве.

Я был очень одинок во время службы в Мурманске и как кутенок тыкался к чужим для меня людям, к библиотекарям, художникам, к случайным знакомым. Теперь я понимаю, что я им был совсем не нужен.

23 декабря 2001 г. У Алима проснулась любознательность, он читает книги, за 2 недели он прочел книгу «Мертвые Души», «Золотой теленок», Хосе Марти «Жизнь Замечательных Людей», Боливара, Начал читать «Я, бабушка, Илико и Илларион» Нодара Думбадзе и часто спрашивает меня об истории, о прошлом, задает вопросы. Я стараюсь быть в хорошем настроении, не утомляя его, давать простые и ясные понятия о жизни, ничего не усложняя, показать, что жизнь и люди не так страшны, что во многом мир проще, чем кажется.

Художники 1990-2000 годов, стали коммерчески ориентированы на миниатюру и мистику, отворачиваются от классической, русско-европейской живописи. В сущности, новая узбекская буржуазия сейчас и может быть пока не нуждается в изобразительном искусстве, тем более в традиционных мусульманских образцах, здесь не ценят узоры, искусство орнаментики, как выражался Алексей Квон.

24 декабря 2001 г. Я переживаю много жизней, что больше чем своя, переживая жизнь Ван Гога, Достоевского, Дон Кихота, Одиссея, Швейка, Бендера.

Моя страстная любовь к книгам с детства началась и выражалась в перекладывании книг на террасе, у отчима, в больших чайных ящиках. Это я проделываю много раз, это было целое одиссеево странствие в книжный мир. Отчим даже предостерег, что я общаюсь больше с мертвыми, чем с живыми людьми, имея в виду умерших авторов. Я был слишком книжным и боялся жизни, не любил и не доверял людям, все откладывал вступление в жизнь и остался на обочине жизни, в говне, как выразился Бердибай, спившийся художник.

Целые годы я провел, переписывая книги, хотя есть ксерокс, который перепечатывает тексты, но в этих механических копиях нет человеческой Души, которая живет в рукописных текстах.

Весь день слушаю пластинки и знаю, что времени мне осталось все меньше. Надо сохранять индейскую невозмутимость и ровность духа, что бы ни случилось, все принимать как заслуженное наказание за свои грехи.

Женя Туков отдал мне целую кипу старых, послевоенных пластинок, там было в основном итальянское оперное пение, так называется бель канто. Я очень увлекся им и даже записал часть их на кассеты магнитофона «Весна», ходил рассказывать о своих открытиях в музей. Записал пластинки Шаляпина и был ими потрясен, ставил их прослушивать Ольге и Назире на ул. Куйбышева.

Библию я открыл для себя в начале 90-х годов. Не имея ее, я переписывал ее у Арслановской тещи и исписал несколько толстых тетрадей, пока Арслан за 150 рублей не купил мне в Москве протестантскую синодальную Библию с комментариями. Отчим был удивлен, сказав, что самая дорогая книга, купленная им, «Ренуар» стоила 40 рублей. Тогда это была огромная сумма – 10 кг мяса. Я его перещеголял.

Однажды сильно обиделся на отчима в последние его годы, за то, что он упрекнул меня в том, что я забираю книги и велел вернуть. Тогда я отнес огромное количество книг к нему, таскал несколько дней. Я ссорился, ссорился со всеми, с Рамилем, с Савицким, с Мусиком, с отчимом Ембергеном, с Коровой Ириной, с Неразик, со Шпаде, с А. - хивинской бабой, с Арсланом, с собственной семьей, с матерью, с сестрами, с Ольгой, с Адылом, с Витей, с казахскими родственниками с ул. Орджоникидзе. Почему то это так было? Дело все во мне. Я не умею жить с людьми и выстраивать отношения с ними, как говорил мне Савицкий.

29 декабря 2001 г. Когда меня выгоняли Люда с Азиме, Арслан сказал, что тиранов рано или поздно свергают и сказал, что с людьми надо налаживать, если не дружеские, то хотя бы партнерские отношения. Мне надо подумать об этом. Только сейчас я понял - в чем дело и оценил Макиавелли.

Какой позор для меня, как для мужчины, что когда Люда выгоняла меня из дома, я призвал Арслана и только благодаря его заступничеству меня оставили дома.

На предложение Савицкого переехать в Нукус и стать директором, я знал о том, что там я безродный казах и никогда не стану директором музея после Савицкого, как он сулил мне.

Как прекрасны песни Александра Дольского и как они мудры. На мой вкус, в моем теперешнем возрасте в почти 50 лет, они слегка приторны и слащавы, но в них голос моего поколения.

Пауза и интонация – вот важнейшие качества, нужные в любом, не только шаляпинском искусстве, с их помощью Шаляпин достиг совершенства.

Слушаю «Аве Мария» Ирины Архиповой. Я понял насколько она проще и душевней Образцовой, да и Савицкий говорил, что Архипова человечнее и душевнее холодного и отточенного совершенства Образцовой. Но ее я не слышал.

Я должен готовиться к смерти. Эта квартира будет продана, а все книги будут распроданы и мой архив будет сожжен.

Из дневников 2002 года

8 января 2002 г. После развала СССР, я не приспособился к жизни. Древние римляне – просто дети в сравнении с изощренностью, иезуитизмом теперешних людей, дельцов и политиков.

15 января 2002 г. Если я возненавижу что то, то это уже надолго, навсегда. Я уже не могу вернуть чувство привязанности к человеку, если я с ним порвал, как в случае с женой.

В 19 веке была странная обыкновенность дарить свои фото с надписью поверх фото. Фото вывешивались на стене и призваны были демонстрировать круг близких. В 20 веке класс мода поменялась, фото стало подписывать сзади и прятать почему-то.

16 января 2002 г. Кто однажды видел извержение вулкана обязан описать это. То же о Савицком, мне посчастливилось быть с ним рядом, теперь по крохам вспоминаю, это был отец, который учил меня.

Закурил и вспомнил, как покупал развесной табак в Нукусе, курил трубку, как подарил трубку какому-то художнику, как закупал тыквы и Арслан мне помогал ее привозить. Я даже в Ташкент приехал с тыквами, чтобы не голодать.

Прощальный взгляд на последнюю страницу в тетради дневника. Записываю слова - и то хорошо.

17 января 2002 г. Бах и Рембрандт - оба создали непреходящие ценности, оба умерли в нужде, отвергнутые современниками и не понятые ими. Они схожи глубокой простотой и простой глубиной, потому что оба глубоко и искренне вдохновлялись Библией.

29 января 2002 г. Самое плохое во мне то, что всё я откладывал и жизнь, и работу, и живопись, увлекался мелочами, не уделяя должного внимания главному. И поэтому возможно, что я ничего не успеваю в жизни и, вероятнее всего, ничего не добьюсь никогда.

6 августа 2002 г. (вторник). Ездил на соопросы. В пустыне было очень жарко. В Туркмению уходят огромные, голубые каналы. Всю дорогу ничего не ел, кроме соленой лепешки, опрометчиво взятой за 100 сум в Газачаке. Наблюдал людей, спекулянтов, которые, как обычно, везут из Казахстана огромные тюки.

Какие глубокие мысли о человеке, мире, смерти – у Пришвина!

Сделаю себе правилом постоянно возить в Нерусские командировки книги и консервы, обустроив дом в Нукусе и готовя базу для отступления из Ташкента. Много размышлял о кризисе своих отношений с бывшей женой и своей дочкой. Продумал неунизительные и выгодные для меня варианты,

а) Часть консервов, книг, художественных материалов оставить на Куй люке, часть в Нукусе и часть на Юнус-Абаде в квартиру Арслана,

б) Самому остаться в квартире учить Алима, работать, рисовать и писать;

в) Часть досок, рам и посуды, то, что не боится сырости в подвал к Зарине или к Арслану,

г) Условия - чтобы Арслан сам платил за Юнус-абадскую квартиру, помог Алиму с операцией искривление носа, с оплатой учебы, и с денежной работой всем моим родственникам, включая Кирьякова, Азиме, Алиму, Люде и мне, чтобы я быстрее купил себе квартиру.,

д) Главное мне не пить, не курить, не терять оставшееся время жизни и привезти себя в рабочее состояние.

11 августа 2002 г. (воскресенье). В Нукусе. Вечером сварил очень вкусный супчик с двумя кубиками и перцем. Поели и за ужином разговорились, решил помириться с Людой.

Мои планы - работы над циклом воспоминаний и картин, написать «По следам Хорезмской экспедиции», фотографии. Пройти с Алимом курс истории, географии, литературы, языков, курс практической работы в социологии.

Помыл полы, Алимчик-котенок, ушел к друзьям, к Славику. Я сказал, что если там будет прохладнее, чтобы он остался там. Алим сказал, что в Нукусе пустота, это прошлое, которое уже умерло и наше возвращение в Нукус- это бессмысленное возвращение в прошлое.

В конце октября окончательно разогнал всех из дома остался один. Я пережил катастрофу в личной жизни и хочу восстановить себя и свою жизнь.

Когда пишу, начинается судорога руки, с трудом пишу – это меня заботит.

30 декабря 2002 г. (понедельник). В Нукусе. Скучаю по Алиму. Выпил рюмку, варю рис с картошкой, перцем и луком. На балконе сидит, нахохлившись, скворец. Облачно – туманное небо и серебряный шар солнца. Усталость приятная и покой. Не терпится начать опрос в Черемушках.

Понял, что был жесток с нежной Душой моего сына – котенка, и с его бедной, глупой наседкой - матерью.

Оставил охотнику, Адылу, еще 5000 сум на интервью в Кыркауле. Какие роскошные перья у фазанов. Он сказал, что будут и зайцы.

Как я жалею, что сына нет рядом. Я ошутимо дряхлею. Виден конус музея из-за крыш. Такая грусть и раскаяние. Я вспомнил, как здесь звучали голоса моих детей. Но Люда сильно меня обидела, возможно, я был страшен в гневе и пугал их, бедных.

31 декабря 2002 (вторник). Надо наладить жизнь по принципу «Должно», а не «Хочу». Писать мемуары. Держаться твердого режима, работать неторопливо и размеренно, не срывать в водку. Понять красоту сдержанности и мягкости. Я напугал своих детей, а их надо любить и успокоить. Надо не хитрить с собой и быть честным. Делать необходимое и главное.

Из дневников 2003 года

7 февраля 2003 г. (пятницу). Встал в 6:30, проверяю анкеты, курил, завтракал на кухне. Вечер. До 3-х часов закончил опрос в Ходжейли с директором торговой палаты. Потом опросил в центре 20 человек с Азатом, заместителем палаты, до 10 часов вечера был у Ислама, поел бешбармак, взял у него еще 2000, итого 8000 у меня, и сумку продуктов его детям в Ташкент.

Проверяю в 4 часа утра анкеты. Поеду поездом. Сильно кашляю от сигарет, неужели не брошу? Тяжело дышать. Свербит в горле и вверху груди. Работу я провел молниеносно, так и надо работать. Еду в Ташкент.

Какое черное небо в форточке на кухне. Я вспоминаю, как здесь тыквы запасал, картошку, вместо мяса чистил требуху, опаливал ножки и варил. В центре снесли старые дома.

12 марта 2003 г. (среда). Сильно опьянел от водки и воздуха Нукуса. Смотрю на стальное небо, слушаю певицу-персиянку. Я стал жесток, утратил иллюзии о святом искусстве, надо менять Вехи.

Такая грусть, слушаю надрывные казахские песни с кассеты, случайно попавшейся на барахолке. В поезде Ташкент–Кунград снился мой первый дом на улице Горького с дырой в потолке, Люда – корейка, соседка одинокая, дочка ее, окончив училище хореографии в Ташкенте, печет пирожки на продажу. Снятся мои прежние дома, снился Савицкий – молодой, бодрый, когда он только открывал Музей.

Савицкий, Ульянов в нищете находили главное, а я потерялся в мелочах.

24 марта 2003 г. (понедельник). За 4 дня по приезду, сделал 32 анкеты в Элликкале, мало.

В 17:00 прилег перед работой и уснул и снилось мне много снов. О том, будто я один забаррикадировался картинами в доме на Куйлюке. О том, что дома все сломал Алим, что вернулись в дом Люда и Азиме, что они переодеваются, А мы пошли с Алимом на базар-ипподром. Потом я очутился с прекрасной женщиной в галерее, зашли в ресторан, там официантки, люди, музыка. Сидит Ольга и я указал ей, что за соседним, большим столом сидит Пугачева в окружении людей. Вроде они переехали из Москвы в Ташкент. Увидел как накрывают едой столы и отказался есть, о чем сказал, подойдя к покойному другу, к Сергею Макарику. А он спокойно принялся с аппетитом за еду, сказал, что все равно поест, так как тот, кто пригласил его, платит за еду. Потом встретил где-то в коридоре Арслана, пьяного, он окликнул меня и стал в чем-то упрекать, говоря, что скоро умрет. На что я ответил, что он нас всех переживет. Проснулся в слезах, встал, зажег 150 ватную лампу, вышел на кухню, закурил и поставил чайник на газовую конфорку.

Как часто по ночам во сне посещают мертвые друзья и родные и чего-то просят у меня. Все они во мне и со мной умрут, как Витя постоянно снится матери, маленький, в детстве, и не отпускает ее.

Одиночество. Что-то я долго здесь в Нукусе работаю в этот раз. Это все запой. Три бутылки водки. Это же надо. И такая отравка, что Душу воротит. Чувствую какую-то назревающую угрозу, страх заползает в сердце. И время идет, зажился я на этом свете. К 50 годам нет ни семьи, ни денег, ни дома.

26 марта 2003 г. (среда). Вряд ли эти мои записи кому-то понадобятся после моей смерти. Скорее всего не пойдут на кульки для семечек.

Надо посвятить картины памяти моих друзей. Памяти Мусика, Ангелины, Макарика Сергея, Валеры Кукушкина, Бойко. Надлежит суметь их обессмертить, вырвать из костей забвения, из реки Леты. Спасти от забвения. В сущности самого себя спасти от забвения.

1 ноября 2003. Надо, прежде всего, беречь свою душу от грязи. Я вышел из этой гонки за существование, отказался от борьбы за кусок хлеба, где люди в злобе вырывают кусок из глотки другого. Где люди не переносят малейший успех другого человека, где все так подло и грязно.

Хочу почувствовать себя вне соревнований, человеком, вышедшим в тираж и выпавшим в осадок. Мне уже ничто живое не близко, я далек от всей этой суеты жизни. Мне хватит запасов моей еды на несколько лет, а там видно будет. Окружающий мир не затянет меня в грязь, где жиреют дьяволы, лгут, обманывают, наживаются. Смотрю на мир, как на арену.

Я нашел аналогию в уходе Сэлинджера из жизни, в прекращении творчества Рембо. Это похоже на отречение от мира. Возможно, это род духовного самоубийства. Надо быть спокойным и смело смотреть в будущее. Возможно, что Рембо, Сэлинджер, Ван Гог сказали все, что могли, что хотели сказать. И поэтому покончили с собой духовно, например, как Артур Рембо, бросив творчество, или как несчастный Винсент Ван Гог, прострелив себе сердце.

Художник и его взаимоотношения с миром - какая тема для размышлений!

Смотрю с горькой усмешкой на потуги художников, которые изгаляются в холстах, выставляют их в холеных фойе гостиниц для интуристов и выставочных залах «А я вот как могу!?» и ждут подачку богатых интуристов или нуворишей.

13-34. Долго слушал Грига на кухне и смотрел на бедную окружающую обстановку и вспоминал бедного корейца – прекрасного одинокого художника в Нукусе - Алексея Квона. Его 20-летнее затворничество, строительство своего дома, своей мастерской, его самодельный мольберт, узенький диван, самодельные стулья, зеркало, его бесконечное курение и горы пустых коробок от простых сигарет, его собрание разных бутылок. Его ежедневные походы в кинотеатр «Амударья», где кроме него было еще 2-3 случайных зрителя. Тогда умирало кино, все уже завоевало вездесущее и пошлое видео.

Удивительная память у Алексея, ясный ум, удивительно редкая бескорыстность. Его удивительное ко мне благодушие и благосклонность. Слегка насмешливая дружба. Разница в 22 года между нами. Он был старше меня. Да... Теперь его нет, он отстрадал и стал землей. Я, кажется, иду по стопам моего одинокого друга, моего «наставника» как ревниво называла его Альвина Шпаде. Они почему-то болезненно не ладили между собой и, разойдясь, так больше и не дружили.

Я больше не играю в игры людей, не составляю им конкуренцию в погоне за жизненными благами. Не в том дело, что я, якобы, потерял мужество.. Я начал находить красоту в отречении, в отвержении благ этого мира. Я не желаю больше тратить свою жизнь на пустяки, и размениваться на ненужные, пошлые мелочи. Есть величие и высокая духовная красота в отвержении ненужного и устремлении человека к духовному – к Богу.

Когда-то Фаридаддин Аттар, поэт и суфи–мистик, написавший «Язык птиц», был оклеветан ортодоксальными богословами Нишапура, ограблен и изгнан из города. Он жил нищим отшельником в пещере и был зарублен озлобленным монголом–завоевателем. Когда никто не давал гроша за духовного гения эпохи, его посетил Бог и показал ему тщету всего что стоит этот мир, и что стоит в этом мире высокая духовность и знания.

Искусство не приносит человеку ничего, кроме горького разочарования. Да, полное разочарование. 50 лет заблуждений кончились ничем, пшиком.

15-12. Вечереет и света становится все меньше и меньше. Я посчитал деньги, у меня осталось 8 тысяч сум – 8 долларов. Близится время лишений, когда я вспомню с тоской и сожалением сотни тысяч пропитых и прокуранных и бездарно розданных денег.

Все сижу и автоматически что-то пишу. Какой-то поток сознания. Конечно, я все это пишу только для себя самого, не рассчитывая ни на что, и зная, что ничем не поможешь себе.

Пора зачеркнуть все свое прошлое, поставить на нем жирный крест, закрыть страницу, захлопнуть в прошлое дверь, завалить ее камнями и никогда более ее не открывать. Убить прошлое и не ворошить мертвецов. Обновить свою жизнь, фениксом воскреснуть и суметь завершить всё. Тяжело ломать и переделывать себя. Тяжело менять характер, менять палитру красок жизни. Тяжело умереть в самоотречении, страдании и воскреснуть в новой жизни другим человеком. Но не убить живую душу. Понять, что погибнув телом, буду возрожден в своих текстах и картинах.

19-16. Для достижения духовной высоты необходимо страдание, которое очищает дух. Нужны удары судьбы, несчастье и беда. Нужно посещение Богом человека для того, чтобы высечь огонь из засыпающей души, чтобы пробудить спящее сердце.

Меня предупреждал в сердцах Алексей Квон, что судьба меня должна крепко ударить для того, чтобы я очнулся и стал человеком.

Да, Арслан - дьявол знает, где слабое место художника – это его жена и семья. И дьявол вбивает клин между ними, помогая им, а не мне. Он внес духовный разлад в семью, завладел устремлениями Люды и дочки, и тем разрушил единство семьи. А я дурак, до последнего дня бегал и добывал им еду и деньги. Оказалось, что этого всего им не нужно. Доля Марфы более благородна, нежели чем доля суетящейся Марии, по словам благословенного Иисуса Христа.

В свое время Гоген отринул свою семью и занялся творчеством. Он был прав, хотя о том, какова была жертва, говорит то, что при известии о смерти любимой дочери, он покончил с собой, выпив мышьяку. Но на солнцепеке его развезло, он вырвал яд и остался жив. Но каков порыв горя и отчаяния!

2 ноября, 2003 года. 19-28. Продолжаю читать «Степь» Чехова. Посмотрел программы ТВ и поразился питекантропью духовному убожеству, пошлости, ничтожности телевизора, ставшего раком перед долларом. Я не предполагал, что до такой пресмыкающейся тупости может дойти жизнь. В СССР жизнь была культурным раем. Там была высока планка культуры, ниже которой она не опускалась. Теперь же – торжество пошлости и наглой посредственности.

3 ноября, 2003 года. 9-55. Все человеческие отношения построены на достижении выгоды, чтобы добиться выгоды человек лжет, притворяется бескорыстным и добрым. Прямее и честнее разбойник, режущий ножом прохожего ради кошелька, или маньяк, убивающий ради своего удовольствия.